

Марина УЛЫБЫШЕВА

НА РЫБЬЕМ И ПТИЧЬЕМ СВОЁМ ЯЗЫКЕ

Стихотворения

ПЕРЕКЛИЧКА

Храни моё слово, славянская вязь.
Я билась в тенётах твоих, словно язь,

Покуда клевало страну вороньё,
Пока шили дело на слово моё.

Но рухнули царства, сдались рубежи,
И правду мою утопили во лжи.

Назойливой мухой в селеньях слепцов
она колотилась в сердца мертвецов.

Прося подаянья, как голь и рваньё,
на паперти слово стояло моё.

И, дико куражась, вертясь чумово,
прохожие хамы плевали в него.

Твоё достояние шло с молотка.
Но жизнь всё равно мне казалась сладка,

пока твой наследник, весь в пятнах чернил,
кириллицей Имя Имён выводил.

Я знала наверно, что вся не умру.
И норы точила и грызла кору

я с теми, кто свечкой горел на пиру,
трамвайною вишенкой жил на юру.

Покуда горчит и клокочет гортань,
язык мой, из праха и пепла восстань!

Кипела сирень. Повилика вилась.
Царевич Димитрий был. Я родилась.

Исчезнет бумага, сгниёт береста,
и клёкот чужой преисполнит уста.

Я Имя Имён напишу на песке
на рыбьем и птичьем своём языке.

***

Лене Витечкиной

Ах, Франция! Ах, Франция!
Прелестная страна!

Провинция, шампанция,
где пьян ты без вина.

Ах, мон ами, шерше ля фам!
И в розанах лужок!
В Парижцию, во Францию
поехали, дружок!

Ах, Немция! Ах, Немция!
Цузамен хенде хох!
Там выдох – как сентенция!
Как аксиома – вдох!

И в этой фатерляндии
ты станешь сам собой.
В Берлиндию, в Германдию
поехали с тобой!

А Греция! Припомнилось,
как бел овечий сыр!
Чудак один – Макропулос
там создал эликсир.

С ним там живут – не старятся.
Сиртаки пляшут – эй!
Ах, к эллинам в Афинцию
поехали скорей!

Любовция! Романсия!
Я знаю ту страну.
Там каждый день – экспансия.
Там каждый час – в плену.

Да высока инфляция.
Да горек табачок.
И я с тех пор, душа моя,
про ту страну – молчок.

***

Никогда мне уже не войти в этот дом,
где рос худенький тополь под самым окном,

где, накат на обои недавно сменив,
глава дома насвистывал странный мотив,

где не дай Бог разбить или что-то сломать,
где из командировки приехала мать,

и по этому поводу в доме уют,
ананасы с шампанским на стол подают.

Ну, а в будние дни – всё пшено да пшено...
Скоро будет развод. Это предрешено.

Где под вечер сестра, накрутив бигуди,
спать ложится со вздохом печальным в груди.

Мой не собран портфель. За три двойки подряд
весь отряд исключил меня из октябрят.

Никогда мне так чисто про поле не спеть.
И так часто ангиной уже не болеть.

След мой смыло волной. Опалил меня зной.
Предал друг. Поглотил океан ледяной.

Как ни странно – всё это случилось со мной!

Где (всему любопытство, конечно, виной),
меня током ударило в жизни одной.

А в другой, дорогой, как последний глоток,
всё другое: и время, и тополь, и ток.

***

В последнем времени всё так же, как всегда.
Власть жаждет властвовать. Войска идут парадом.
Цветёт герань. Из крана капает вода.
И так же слесарь не идёт, хотя пора бы.

В последнем времени торгуют анашой,
старинной живописью, семечками, прочим...
И каждый рад бы подторговывать душой,
но сей товар уже не ценится – подпорчен.

Дух празднословия ласкает змейкой слух,
что речь непраздная почти во всех языках
стучит, как в сморщенном стручке сухой горох,
и, как состав порожний, лязгает на стыках.

В последнем времени всё так же ждут Христа,
но не Судью, а вновь голгофского страдальца:
грешат по-чёрному, что каплет кровь с Креста,
и ноет дух, и проступает ад сквозь пальцы.

В последнем времени, все роли проиграв,
никто не понял, где же быль была, где небыль.
Всё как всегда... Но чуть острее запах трав,
и чуть взволнованней и глубже дышит небо.

В последнем времени природа хороша
и так свежа, как в допотопном вертограде.
Закат божественен. И лишь внутри душа
всё понимает и дрожит, как зверь в осаде.

***

Георгиновый сентябрь.
Богоданная погода.
Под холстиной небосвода
мир почти такой, как встарь.

Пламенеют кромки крон.
Рдеет трав хитросплетенье.
Будто до грехопаденья
воздух благорастворён.

Но внезапно по садам
пронеслись сухие тени.
И попрятались в Эдеме
птицы, звери и Адам.

Вся природа напряглась.
Ветер ринулся навстречу.
– Где ты? Где ты, человеке? –
Прокатился трубный Глас.

Человек не отвечал.
Выпил чай. Вздремнул немножко.
С кресла встал, прикрыл окошко,
глянул в сад и заскучал.

Колотила капель дрожь –
Божьих слёз по гулкой крыше.
Человек, конечно, слышал.
Но подумал – это дождь.

Про овечку

Если б я была горою
из гранита и асбеста,
я б гляделась горделиво
в безвоздушный окоём,
и, кристаллами сверкая,
в платье снежном, как невеста,
я не сдвинулась бы с места.
Я б стояла на своём.

Если б я была горянкой,
я бы песню песней пела,
и как маков цвет пылала,
и на свадебном пиру
я б шашлык хрустящий ела,
и монистами звенела,
подливая в звонкий кубок
цвета крови Хванчкару.

Если б я была овечкой,
я бы думала о вечном.
А о чём ещё мне думать,
глядя в пляшущий костёр?
Чтобы ухало сердечко,
чтоб свивалась шерсть в колечко,
чтоб устойчив был треножник,
чтобы ножик был остёр.